
В ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ
20:36
Денис Пожидаев
18+

Денис Пожидаев
В порядке вещей

https://litres.ru/75041087
SelfPub; 2026

Аннотация

Раз в неделю они собираются в обычной комнате дома культуры. У одного глаз в пупке, другой слышит всё на три минуты позже, третья не может скрыть ни одной случайной мысли. Проклятые шутят, ссорятся и пытаются жить дальше. Кирилл приходит сюда за ответами — и замечает, что после каждой чужой истории с его телом происходит нечто невозможное. Дверь открыта. Но значит ли это, что он сможет уйти?

Денис Пожидаев
В порядке вещей

В комнате было восемь стульев и восемь бумажных стаканов. Стаканы Лев Маркович выставил по числу людей, стулья — по числу тел, и уже одно это казалось Кириллу избыточной верой в совпадения.

Комната принадлежала дому культуры, который снаружи назывался «Меридиан», а внутри давно никуда не вёл. На первом этаже торговали танцами для детей и долголетием для пенсионеров; на втором, между кружком кройки и складом сломанных пюпитров, раз в неделю собирались люди, которых одна женщина испортила так основательно, что медицина могла лишь описывать отдельные последствия.

Кирилл пришёл без минуты семь. На двери висел лист А4: «ГРУППА ПОДДЕРЖКИ. ВХОД СВОБОДНЫЙ». Слово «свободный» было подчёркнуто дважды, будто прежние посетители пытались выбить дверь плечом.

— Вы Кирилл? — спросил мужчина у термоса.

Ему было лет под шестьдесят. Пиджак сидел хорошо, хотя локти блестели; вмятина на термосе была прикрыта ручкой папки. Он говорил тем ровным голосом, которым сообщают, что заявление принято и пропало не навсегда, а в установленном порядке.

— Да.

— Лев Маркович. Садитесь, где удобно. Можно у двери.

Кирилл и собирался сесть у двери. Приятно было, что это выглядело не трусостью, а правом участника.

Лев Маркович отодвинул стул на полшага, освобождая проход.

— У нас никого не удерживают силой.

— Зря, — сказал мужчина без глаз. — Меня однажды удержали. Четырнадцать лет брака коту под хвост.

Смеялись не все, но сразу и без смущения. Кирилл посмотрел на говорившего и только тогда понял, что именно не так с его лицом. Брови были, переносица была, мелкие морщины расходились от тех мест, где полагалось быть глазам. Между скулами и лбом лежала гладкая кожа — не шрамы, не веки, не страшные пустые глазницы, а аккуратно зажившая отмена зрения.

Мужчина сидел, подавшись вперёд, и всё же каким-то образом точно смотрел на Кирилла.

— Борис, — представился он. — Не напрягайтесь. Я тоже сначала искал, куда смотреть.

Справа от Бориса женщина с короткими тёмными волосами переставила каблук на несколько сантиметров. Рядом с ней сидел крепкий мужчина, положив руки на колени. Кирилл не сразу заметил, что правая кисть у него выходила из левого рукава, а левая — из правого. Дальше сухощавый человек смотрел не на говорящего, а на его губы. Женщина в тёмном кардигане прикрывала ладонью блокнот. Последний

мужчина, Илья Сергеевич, был пристёгнут к себе широкой полосой под рубашкой; край ортеза угадывался по левой стороне грудной клетки, как скрытый под обоями провод.

Лев Маркович сел у подноса. Телефон лежал справа от папки. За его спиной, над дверью, горели красные цифры электронных часов. У часов были секунды — выяснилось, для Семёна.

— Напомню правила, — сказал ведущий. — Говорим по одному. Не даём непрошеных медицинских советов. Не выясняем, кому хуже. Можно отказаться, выйти, помолчать. Запись — только с общего согласия.

— И не ставьте чай на край, — сказал мужчина с перепутанными руками.

— Это не правило группы, Антон.

— Это правило мира. Просто мир его не соблюдает.

Лев Маркович поправил один стаканчик — тот стоял косо относительно остальных — и открыл папку.

Кирилл снял куртку, но оставил её на коленях. У губы тянуло знакомое место: тонкую болезненную складку, появившуюся две недели назад после разговора на остановке. Врач назвал её раздражением, второй — привычкой кусать губы. Кирилл записал оба ответа в служебный блокнот, которым пользовался на работе с претензиями, и рядом поставил вопросительный знак. У любой беды должны были быть дата, обстоятельства и ответственный. Иначе она превращалась в жалобу без номера — могла существовать сколько угодно, а

доказать её было нельзя.

Адрес на листке дала женщина, чья улыбка не закрывалась даже под дождём. Листок был оборван по краю, словно его выдернули из чужого дела. Женщина сказала: «Там любят дослушивать». Кирилл тогда принял это за рекомендацию.

Пока не объясняли.

— Кирилл впервые, — сообщил Лев Маркович. — Просьба дать ему освоиться. Борис, что изменилось за неделю?

— Купил рубашку, — сказал Борис. — Не подошла.

— Размер? — спросила Инна.

— Место для глаз.

Он расстегнул два крючка чуть ниже пояса и откинул мягкий прямоугольный клапан. В складке живота открылся глаз. Обычный живой глаз, серо-зелёный, с влажным нижним веком и мелкой красной жилкой. Он моргнул, оглядел круг с высоты пупка и остановился на Кирилле.

Кирилл невольно подтянул куртку выше.

— Вот это я понимаю — зрительный контакт, — сказал Борис. — Всегда начинается с того, что человек прикрывает хозяйство.

Инна фыркнула. Антон сказал:

— Отстань от человека.

— Я к нему даже не подходил. Глаз на месте, свидетель найдётся.

Глаз действительно сощурился. Кирилл понял, что Борис

умеет улыбаться им отдельно от рта, и засмеялся. Смех получился слишком громким. В комнате никто не посмотрел на него с упрёком; здесь смеялись как люди, давно научившиеся разряжать оружие о собственный лоб.

— Показывай рубашку, — сказала Инна.

Борис дёрнул ткань у живота.

— Пар идёт прямо под экран. Пять минут сидел на рабочем созвоне и думал, почему коллеги стали выглядеть как покойники в бане. Потом понял: чай поставил не туда. А программа пишет: «Посмотрите в камеру». Я и смотрю. Камера считает, что у меня совещание проводит ремень.

— С ремнём у тебя хотя бы меньше личных выпадов, — сказал Антон.

— Зато ремень держится за место.

Лев Маркович сделал пометку.

— Защитный экран снова запотевает?

— Нет, Лев Маркович. Я каждую среду приношу сюда одну и ту же жалобу, чтобы вы не волновались из-за резких перемен.

— Я уточняю динамику.

— Динамика отличная. В понедельник не видел директора, во вторник — бухгалтерию. Сегодня рассчитываю не увидеть светлого будущего.

Кирилл рассмеялся уже вместе со всеми. Борис услышал его и прибавил громкости, как человек, которому наконец подали правильную реплику. Инна не улыбнулась; Антон

проверил, далеко ли стоит чай. Лев Маркович записал что-то в папку. Здесь шутка не отменяла унижения. Она только позволяла выбрать, кто первым назовёт его смешным.

Борис рассказал, как новая сотрудница потребовала включить камеру «по-человечески»; как курьер, увидев его лицо, упорно говорил с животом, хотя глаз был закрыт; как в лифте особенно хорошо видны чужие пакеты и особенно плохо — намерения. Потом достал телефон.

Он держал его низко, перед собой. Серый глаз скользил по экрану. Рот ещё улыбался, но улыбка уже работала одна.

— Лиза написала, — сказал он.

Никто не переспросил, кто такая Лиза.

— Был у неё в школе. Они там что-то показывали. Современное искусство: дети стоят в чёрном, родители ничего не понимают, деньги сдали заранее. Я пришёл, сел с краю. Свет бликует, экран потеет, сцены не видно. Пришлось открыть.

Он коснулся клапана.

— Баба рядом решила, что я раздеваюсь. Позвала другую бабу. Вторая оказалась культурнее, поэтому стала шептаться. Потом кто-то начал снимать меня на телефон, а не детей. Я пересел. Встал. Опять сел. Лиза после говорит: «Пап, я просила просто посидеть».

— И ты что? — спросил Антон.

— А я — отец года. Сказал: «Зачем мне сидеть, если я ничего не увижу?»

— Ты же видел запись, — сказала Инна.

— Видел.

— Значит, дело было не в этом.

— Спасибо, следствие закончено.

Борис положил телефон экраном вниз. Через секунду перевернул обратно, будто аппарат мог обидеться.

Кирилл спросил:

— Она что написала?

Борис недовольно посмотрел на него животом. Чтобы сделать это, пришлось чуть повернуть стул.

— Вы тут недавно, поэтому ещё думаете, что вопросы улучшают разговор.

— На работе без них потом говорят, что сведений недостаточно.

— Где вы работаете, следователь?

— С претензиями. Логистика.

— Тогда всё понятно. Вам человек — пока не заполненная форма. Я вам сейчас номер обращения дам.

Но телефон он поднял. Прочёл без выражения:

— «Мне было неловко. Но я не говорила, что не хочу тебя видеть».

У Антона дёрнулась неправильная кисть. Инна опустила глаза к своим ботинкам. Семён, не слышавший нынешней фразы, смотрел на лица и понимал, что комната стала другой.

— Вы ответили? — спросил Кирилл.

— Нет.

Борис потёр краем ладони щёку — там, где когда-то был глаз.

— И что вы ей ответите? — спросил Кирилл.

— А вот это уже второй вопрос. За второй у вас на работе доплачивают?

— Она ждёт.

— Вы её знаете?

Кирилл не знал. Но перед ним уже сложилась последовательность: школьный зал, снятые телефоны, девочка в чёрном на сцене, сообщение, перевёрнутый экран. Не хватало только ответа, и незакрытое место раздражало его почти физически.

Под поясом кольнуло. Кирилл решил, что в пупок попала нитка, провёл пальцем поверх рубашки и ощутил под тканью влажную складку. Она вздрогнула навстречу прикосновению. Не больно — хуже: как веко, которого там быть не могло.

— Натёрли? — спросил Борис.

— Ремень.

— Снимайте. Тут люди приличные, никто не удивится.

Смех вернулся, но короче прежнего.

— Вы можете подумать над ответом Лизе, — сказал Лев Маркович. — Без решения за неё, что она чувствует.

— Благодарю. В следующую среду доложу, поумнел ли.

Борис застегнул клапан. Глаз исчез за тканью, и Кириллу стало легче смотреть ему в лицо. От этого облегчения было

стыднее, чем от испуга.

— Антон, — сказал Лев Маркович, — ваша очередь.

Антон прежде всего подвинул свой стакан к левому краю стула. Борис, освобождая место в круге, машинально вернул его к середине.

— Не трогай.

— Я убрал от края.

— Ты убрал от руки.

— У тебя их две. Выбери другую.

Антон посмотрел на него так, что Борис поднял обе ладони.

Правая анатомическая рука Антона выходила из левого плеча. Она не была вывернута, не висела бесполезно; просто большой палец оказывался с той стороны, с какой человеческий взгляд его не ждал. Другая рука отвечала ей с правого плеча. В покое ошибка казалась почти поправимой: хотелось пересадить рукава местами, дёрнуть изображение мышью. Двигаться Антону приходилось в теле, которому никто не оставил кнопку «отменить».

— Ставьте как было, — сказал Лев Маркович.

— Уже поставил.

Антон выровнял стакан. Делал это медленно, глядя на кисть. Стакан подчинился.

— Видите? — спросил он Кирилла. — Ничего сложного. Надо взять, перенести, поставить. Три операции. На обычном человеке идут одной. У меня каждая требует согласова-

ния с руководством.

— Руководство некомпетентно, — сказал Борис.

— Руководство пять лет пытается тебя не ударить.

Антон рассказал про клиента, который стоял над столом и каждые двадцать секунд спрашивал, долго ли ещё. Кофемашина была обесточена, корпус закреплён, неисправность найдена. Пока Антон смотрел на винт, правая рука на левом плече знала своё дело. Стоило ответить клиенту, и движение начиналось туда, где пять лет назад находилось другое плечо.

— Он говорит: «Может, другого мастера?» Я говорю: «У вас две правильные руки. Почему кофемашину принесли мне?» Обиделся. Хотя вопрос технический.

— Вы по-прежнему берёте сложные ремонты? — спросил Лев Маркович.

— Я беру те, где можно выключить питание, разложить инструмент и не разговаривать с владельцем. То есть фантастические.

Он взял пластиковую крышку от стакана, показал Кириллу и положил обратно. Без ошибки.

— Если смотрю — делаю. Если знаю заранее — делаю. Если надо поймать, подхватить, обнять человека, пока он не заполнил заявку, — тело вспоминает старый план.

— Обнимать тебя и раньше было мероприятием, — сказала Инна.

— Тебя никто не просит.

— Потому и не жалуюсь.

Антон дёрнулся к стакану, когда Борис кашлянул. Правая кисть пошла по старой короткой дуге, которой больше не соответствовало плечо; костяшки ударили край. Стакан качнулся. Антон успел прижать его другой ладонью, но чай плеснул на линолеум и под ножку соседнего стула.

В комнате никто не засмеялся.

— Не надо, — сказал Антон.

Никто ещё не успел предложить помощь.

Инна уже достала из сумки салфетку.

— Я не трогаю твой стакан. Я вытираю под своей ногой.

— Я сам вытру.

— Тогда сначала научись потеть сухо.

Она промокнула лужицу, оставив одну тёмную каплю у ножки стула. Антон поставил наполовину пустой стакан на пол, между ботинками, где до него можно было дотянуться только намеренно.

— На прошлой неделе мы с Серёгой панель снимали, — сказал он. — Он стоял рядом. Руки в карманах.

Голос изменился не по громкости — из него ушло желание победить собеседника.

— Кто Сергей? — спросил Кирилл.

— Человек, который раньше понимал, какой ключ мне дать, до того, как я просил. Двадцать лет вместе на вызовы ездили. Теперь понимает только слово «не лезь». Тоже навык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.